

Василий Нестеренко
г. Керчь

АФРИКАНСКИЙ

ВАСИЛИЙ НЕСТЕРЕНКО

АФРИКАНСКАЯ ТЕТРАДЬ

ИЛИ ПО ДОРОГЕ В ПАРИЖ

Нестеренко Василь Михайлович

Бард и поэт, прозаик. Живёт в Керчи. Победитель Девятого фестиваля «Боспорские Агоны», лауреат Седьмого международного Шалютинского фестиваля в Ялте. Выступает с авторскими концертами в Москве и Крыму. В 2009 г. написал повесть «Африканский рейс», которая была прочитана в Крыму на радио.

ном пяточке у входа, обмениваются информацией.

Хорошая компания. Ей доверяют рыбаки, имеющие широкий выходы фирм-посредников. Два капитана, прошедшие от африки до валютных фанфар по бурлящим океанам, придумали себе непыльные берегу. Понятно, что без подачи просто не заметят.

— Девушка, это презентик. Опа. — Я отчаянно бросаюсь из которой полыхают два василка блондинки-секретарши. Месторонай монитора и мной — настала — обёрнутые в целлофан

Василий Михайлович Нестеренко

Африканская тетрадь.

Или по дороге в Париж

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48819416
ISBN 9785005089021*

Аннотация

Остросюжетная повесть «Африканский рейс» и автобиографические рассказы. Немного стихов, дополняющих содержание сказанного в прозе. Звание «Автор-стильное перо», финалист и лауреат фестиваля-конкурса «Русский Stil – 2019» в Париже и многих других.

Содержание

У ДВУХ МОРЕЙ	20
– У двух морей...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Африканская тетрадь Или по дороге в Париж

**Василий Михайлович
Нестеренко**

© Василий Михайлович Нестеренко, 2019

ISBN 978-5-0050-8902-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Данная книга остросюжетной и социально значимой морской прозы известного в Крыму писателя, поэта и барда Василия Нестеренко издана при поддержке крымского предприятия ООО «Лаборатория красоты и здоровья «Пантика» (директор Кабанов М. Ю.), которое специализируется в основном на производстве косметики и биологически активных пищевых добавок преимущественно из морского сырья www.pantika.biz.

Василий Нестеренко

Книга прозы и немного стихов по теме

«Африканская тетрадь» 18+

или «По дороге в Париж»»

НОВОГОДНИЙ КОРТИК (рассказ-быль)

Мне не хочется плакаться об ушедшем детстве. Я всегда мечтал поскорее стать взрослым и ничуть не пожалел, сделав это. Заборы родительских запретов до сих пор отгораживают от прожектора памяти те лучшие минуты, которые хотелось бы вспомнить в деталях и с удовольствием.

Но я не намерен здесь обесценивать старания моих родителей, поскольку воспитывали они меня, не жалея своих жизненных ресурсов. Вот и на этот Новый Год сестричка Оля, которая старше меня на четыре года и учится в восьмом классе, сказала по секрету, что папа пригласил настоящего Деда Мороза со Снегурочкой.

Мама недавно купила новенькие пуанты для Олиных занятий в балетной студии и сестра, уложив их в объёмистый школьный ранец, умчалась на репетицию и математический кружок. Через минуту вдоль забора со стороны улицы уже мелькал её стройный силуэтик в лёгком сереньком пальто. Мы тогда жили в районе старого стеклотарного завода в частном доме, который приобрели наши родители на деньги, заработанные ими в Заполярье.

Керчь – историческая родина моего отца, агронома по образованию. В 1937 его, перспективного работника министерства как врага народа этапировали в заполярный Но-

рильск. Но наш «английский шпион» и там придумал как принести пользу отечеству. На трубах отопления, что тянулись от медноникелевого комбината к посёлку по его инициативе были возведены теплицы, где цвели и пахли витаминные субтропиков для всего советского заполярья. В пятьдесят шестом – после реабилитации и двух инфарктов, он оказался перед классической дилеммой: быть, или не быть? Поэтому, не дожидаясь пенсии по возрасту, отец решил продолжить заниматься любимым сельским хозяйством уже не во благо отечеству, а для себя лично. В частном секторе города Керчь, где он когда-то родился и провёл своё детство.

Зимой даже у хорошего огородника сад выглядит как беспорядочный набор голых прутьев. Прутья нашего сада были в каком-то особенном порядке: в них, как в хорошо подготовленной рыбацкой снасти, уже чувствовался грядущий «улов». А в небольшом подвале к Новому Году всегда хранился широкий ассортимент всяческих закаток и даже дубовый бочонок с молодым вином. Спиртное меня тогда ещё не интересовало, но, когда я подрос, то понял, что по этой части у моего отца просто нет в округе конкурентов. Сорок высокоурожайных кустов отборного винограда, как на выставке достижений сельского хозяйства, были обозначены табличками. На каждой табличке – уникальный сорт.

...Минувшей весной этого 1962 года мне исполнилось 10 лет. Мама напекла пирогов с клубничным и айвовым вареньем и предложила мне пригласить в гости своих близких

приятелей: Колю Никифорова и Сашу Волненко. Были конфеты и лимонад. А перед этим – горячее блюдо с курицей и картошкой. Друзья дарили мне приключенческие книжки и дёргали за уши. Потом мы играли в настольный механический баскетбол, щёлкая приводами для подкидывания теннисного шарика. Я запросто попадал в корзину из любой лунки, куда закатывался шар и удивлял этим новичков, не искущённых в игре.

Секрет моего успеха заключался в том, что мы с сестрой провели немало батальных часов. Эту игру ей подарил отец, когда Оле исполнилось 13. С ней мы сражались на равных.

– Что бы ты хотел попросить у Деда Мороза в подарок? — Спросила меня мама за месяц до начала зимних каникул. — Кортик – последовал мгновенный ответ.

В кинотеатре «Пионер» мне на днях удалось посмотреть одноимённый кинофильм десятилетней давности. Впечатляющая лента тех времён. – Посмотрим, с какими оценками ты закончишь полугодие. Если хоть одна тройка в таблице будет – можешь и не надеяться на такой подарок. И вот наступил долгожданный момент. Ароматная ёлка красовалась в центре зала.

Дом полон гостей: к Ольге пришла подружка с младшим братом, а к родителям – Семья Маненковых в полном составе из трёх человек.

Моя совесть была чиста перед Дедом Морозом. В таблице

ни одной тройки и даже появились две пятёрки: по математике и пению.

Я настолько рьяно взялся за учебники, что меня пришлось остепенять: вместо восьми строк из Пушкина, я выучил одним махом всё вступление к Евгению Онегину, просто обалдев от благородных созвучий.

Этот факт остался известен лишь мне, поскольку Раиса Ивановна, моя первая учительница, слушая как я восторженно тараторю «Мороз и солнце – день чудесный», грубо оборвала меня уже на двадцатой строчке:

– Нестеренко, я сказала восемь строк выучить! Иди за парту!

С того момента и до конца школьных дней меня будет раздражать всё, что связано с поэзией... Однако, нет худа без добра. У сестры на книжной полке я обнаружил сборники Александра Грина и Куприна. Зурбаган и Листригоны стали моими средами виртуального обитания. И однажды я был удалён из класса за невыученное четверостишие Некрасова, т.к. по уши зачитался «Алыми парусами». Моя судьба моряка определялась в те далёкие дни непослушания.

Стоило вырваться из-под пресса первой училки, как я стал учиться не только лучше, но и с удовольствием. Видимо, в основу такого обращения со мной у этой молодой преподавательницы легла подстраховочная неприязнь к детям «врагов народа».

Однако, не будем о грустном. Ведь новогодняя ёлка как живое существо уже готова подпевать нашему хороводу, сияя всеми шарами и лампочками.

– В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла...

– Что-то пуанты снегурочки уж больно мне знакомы. Я в матросском костюме, двигаясь по кругу, продолжаю анализировать.

– А у Деда Мороза глаза папины! А у снегурочки – пуанты Олины! – наконец, остановив хоровод, во всеуслышание заявляю я.

У меня трясутся губы и я теряю самоконтроль.

– Вася, но это же игра! – мой последний идол – Дед Мороз – утешая меня, рушит все мои мечты и надежды на волшебство в этом мире.

– Так я же только щёки покрасила, а ты меня лишь по пуантам узнал – улыбается сестричка. Ты что, до сих пор думаешь, что всё по-настоящему?

Ты уже большой мальчик.

– Ничего я не думаю! – Вы все здесь ненастоящие! – я изо всей силы вырываюсь из глумящегося над моей верой хоровода.

Туалет у нас не в доме, а за углом времянки, в огороде. Не включая свет уличного фонаря, прячусь в интимном помещении. Меня душат слёзы и я даю им волю – благо нет свидетелей.

В доме продолжается веселье, а у меня – горе: отняли

сказку. Утром нахожу под подушкой долгожданный алюминиевый кортик в красивых чёрных с позолотой ножнах, но радости от этого – ноль.

Только одна мама понимает по-настоящему моё состояние.

Она присела на кровать и прижала мою голову к небольшому, но тёплому своему животу.

– Мамочка, значит никакого волшебства уже не будет?

– Почему же? Вот помечтал ты о кортике, и он появился.

– Так вы же его с папой в магазине купили...

– Ну и что? Ведь чудо не в том, что мы купили, а в том, что ты помечтал, приложил усилия, исправил тройки – вот и кортик у тебя в руках. А мы с папой и Оля – лишь персонажи в твоей сказке про кортик.

С высоты прожитых лет я всё больше проникаюсь мыслью о том, что эпоха компьютерных игр, в которой сейчас затерялось немало не только детей, но и взрослых, началась задолго до появления компьютерного «железа».

Очень скоро игроки, добиваясь своих целей, будут идентифицировать себя с персонажами в формате 3D, 4-D и так далее... Им предложат задания, к примеру: хочешь кортик – исправь тройку по математике, поднимись на новый уровень. А клавиатурой будут служить усилия мысли. И окажется, что это – именно та игра, в которой мы уже давным-давно находимся! И она куда интересней и совершеннее той, в которую

пытается влезть «с другого конца» потерявшее веру в сказку наше современное человечество.

С Новым Годом тебя, играющий мир!

Рассказ «ДОЛЖНИК»

(байки деда Пантелея)

Если мы находимся внутри одной большой компьютерной игры, то нам должны начисляться очки. Деньги. Но что для этого должны делать мы? Мне было девять лет, когда жарким летним полднем в мои руки попала целая пачка советских денег. Её обронил высокий слепой фронтовик в хромовых сапогах и с тросточкой. На противоположной стороне улицы, где через несколько лет возникнет центральный универмаг, он из кармана галифе вытаскивал носовой платок. Говорят, у незрячих слух острее, но этот лишь вытер пот вокруг чёрных окуляров и, слегка пошатываясь, продолжил свой путь, постукивая палкой о тротуарный кирпич, вкопанный на ребро вдоль бульварной клумбы.. Я с рогаткой, босиком и в чёрных труселях (иных тогда наша промышленность не выпускала) шёл на пляж, но, заметив чужую беду, изменил свой привычный маршрут. Пришлось, перейдя раскалённый асфальт, догонять инвалида, чтобы вручить потерю. Тот судорожно стал пересчитывать, даже не сказав «спасибо». Мне показалось, что дед сейчас выронит от волнения трость и ему не на что будет опереться. Поэтому я приостановился, чтобы подать, если что. Но тот уже контролировал ситуацию и что-

то бурчал себе под нос, прижав палку под мышкой культёй левой руки.

А днём позже в магазине «Детский мир» я украл рубль, пока мой взрослый кузен Миша Попов, художник-рекламист кинотеатра «Ударник» трогательно заигрывал с очаровательной продавщицей. Всё моё внимание привлекла жёлто-коричневая бумажка номинацией в 1 рубль нового образца (1961 год, денежная реформа), слегка придавленная пластмассовым пупсом в открытой витринке. Видимо, кто-то оставил задаток. И я сделал всё чисто. Маме объяснил появление карманных денег тем, что получил награду от обрадованного пенсионера. Папа похвалил меня за благородный поступок. Но история с рублём не окончилась. Спустя несколько лет, уже в восьмом классе, ко мне зашёл в гости, в отсутствие родителей, ухажёр моей старшей сестры Оли коренастый спортсмен Сергей. Молодой силач, поиграв со мной в настольный баскетбол и послушав битлов с нарезанного на использованном рентгеновском снимке аудиодиска, остался доволен визитом и предложил мне в долг один рубль, хоть я этого и не просил. – А когда вернуть? – я весело выбрал из предложенного веера одну банкноту. – Когда будут лишние, тогда и вернёшь. – Отмахнулся гость.

Хрустящая бумажка быстро растворилась в радиодеталях, дефицит которых мной, юным радиолюбителем, ощущался постоянно. Через месяц мой кредитор подловил меня возле дома и злобным голосом напомнил: «Даю тебе два дня».

А на третий я получил в челюсть. Не сильно, но увесисто. Этот уличный босячек надеялся, что я буду жаловаться на обидчика своей старшей и единственной сестре и та, спасая брата, пойдёт к нему на встречу.

Очень уж долго и безрезультатно он обхаживал красотку.

Но, к счастью, у меня были два друга-одноклассника: Сашка и Илья. Первый – богатенький буратино. Его папа торговал вином на городском рынке от колхоза «Родина». Саша перезанял мне рубль и мы отдали жлобу долг в тот же день.

– Научим Пантелея деньги делать? – тряхнул кучеряшками коренастый Илья, обняв меня и Александра.

На следующий день пришлось убежать с уроков труда с моими защитниками к шпане в парк, чтобы посмотреть, как играют в карты на деньги. Игра называлась тринька. Моих ежедневных пятнадцати копеек от мамы едва хватило на пять минут игры. Но и здесь выручал один из друзей (что побогаче). Он был огненно-рыжей масти и хотел, чтобы его звали «Огонёк». Но кликуха «Рыжий» прилипла сама, не спросив разрешения Александра. В карты Алекс играл искусно.

Дело было в комсомольском лесопарке. Сейчас его окультурили, а в те времена это была бандитская слобода. Я сидел под левой рукой Сашки и срезал колоду в нужном месте специально отрошенным ногтем большого пальца. А он помогал мне делать ставки, даже когда у меня кончались деньги.

Затем мы и вовсе стали играть с ним в один носок.

Что такое «играть в носок?» А вот что. Во время игры все сидели прямо на земле и смятые бумажные деньги от выигрыша заталкивались в носки. Так было удобнее не только контролировать ситуацию в игре (чтоб никто не украл), но и маскироваться от ментов в случае шухера. Длинные брюки клёш надёжно скрывали игровые вещ-доки.

К нам в круг иногда подсаживались поиграть каменяшники. Самым денежным был Бауэр – бригадир хозрасчётной артели каменщиков открытого карьера. Он играл в буру и очко на «шалбаны». Деньги с проигравших не брал, но за каждый проигранный ему рубль бил в лоб юноше щелчок. Однажды он нам с Александром проиграл 200 рублей. Это большие по тем временам деньги (1968 год). Естественно, мы повели его в кабак. Помню, к нам тогда присоединился авторитетный вор Володя Чубатый – он недавно «откинулся» из очередной ходки.

В ресторане «Бригантина» для нас пел «под Магомаева» будущий солист «Песняров» Виталик Лохмоткин по кличке «Робертино». Он был ещё и прекрасным бильярдистом. (Мы к тому времени стали захаживать в «кузню» – так называлась городская бильярдная, где собирался весь бандитский бомонд города). Там мастера экстра-класса «раскручивали» в «американку» моряков-загранщиков, прикидываясь новичками. И вот, когда выпивка, купленная за выигранные у Бауэра деньги стала заканчиваться, Чубатый пригла-

сил на состязания по АРМ-реслингу двух молодых офицеров-авиаторов из-за соседнего столика. Этот удивительный человек состоял из одних сухожилий и давал фору любому, кладя свою руку до высоты спичечного коробка. Тем не менее, он всегда выигрывал. А тогда – за пятнадцать минут – почти три сотни. Парни вертолётного полка явно сорили своими добытыми военным риском деньгами. Но, как говорится, не на того напали.

Лишь криминалисты керченской милиции были уведомлены, что, если виноводочный магазин обворован через раздвинутые с нечеловеческой силой решётки, то это, бесспорно, дело рук авторитетного и юркого вора по кличке «Чубатый». И в арм-реслинге такому богатырю, естественно, тоже не было равных.

Моё тогдашнее увлечение красивой жизнью повесы едва не окончилось тюрьмой. Когда Алекс – самый удачливый из нас троих ушёл служить в армию на китайскую границу, мы с Илюхой вляпались в историю. К тому времени я уже учился на вечернем отделении техникума и посменно обслуживал климатическую установку аквариальной АзЧерНИИ-РО. Это в центре города. В ночную работа была такая: кнопку нажал и пошёл через дорогу на танцплощадку. Главное – раз в два часа проконтролировать приборы.

Ходили пить водку с томатным соком в кафе «Пингвин». От «Кровавой Мэри» наливалась кровью зрачки и мы успешно искали приключений на свои задницы.

Однажды во время дикой драки на моих глазах мои друзья забили бандита из чужого района. Били и наших по чем зря. Вся эта зверская житуха нам казалась героической эпопеей. А может, просто в людях не выветрился запал минувшей войны.

В один из вечеров меня угораздило проиграть в «Кузне» свой первый аванс одному из лучших биллиардистов города – Касьяну. Он угостил нас в кабаке, а затем мы, будучи с Ухом уже в хорошей кондиции, сняли болониевое пальто с пьяного в умат морячка-загранщика. Вернее, снял со спящего шустрый Илья и вынес мне из неосвещённого подъезда в темноту двора свёрток:

– ТикАем в парк, Пантелей!

В комсомольском парке мы спрятали пальто в воронку и завалили пожухлой листвой. На следующий день Робертино купил его за полсотни. И я смог отдать своей маме сорок рублей уже проигранного мной трудового аванса, что и было отмечено на семейном торжестве. Ведь родители-то были не в курсе всех моих походов.

Однако, кто-то в биллиардном мире постукивал не только по шарам, но и в милицию. И вот мы с Ильёй на допросе у дяди Лёни Волкова – участкового «СолянОй» – одного из самых бандитских районов. – Так, парни; выбирайте: тюрьма, или армия?

– Дядя Лёня, мы ничего такого не сделали. —

Илюха по кличке Ухо умел прикинуться дуриком и давил

на жалость. – А я вам ещё раз говорю: статистику района мне перед пенсией я вам портить не позволю, сукины дети!

– Хорошо. Через месяц вы нас не увидите – заверил я пожилого капитана милиции.

– А ты, Пантелей, ещё за ту драку мне не ответил!..

Та драка была весной, на проводах друга в армию. Мы пошли искать приключений на танцплощадку клуба госторговли, где тогда играл и пел молодой Юрий Лоза. И нашли-таки: я выбил себе сустав большого пальца о челюсть комсомольского работника, а пока сидел на нём сверху, Саша, обознавшись, закатал мне ногой в правую челюсть и свернул прорезающийся зуб мудрости. Все разбежались, когда на узконосой туфле одного из наших босяков вспузырился ещё живой человеческий глаз.

Через месяц в кузне появился невысокого роста молодой одноглазый мужчина. Он очень скоро научился метко закатывать шары в лузы, а попутно обнаружилась утечка информации из нашего сплочённого полукриминального коллектива.

Таким образом мне пришлось отказаться от возможности окончить последний курс техникума, хотя учёба шла легко и была возможность получить отсрочку от призыва в армию.

Вот так и не состоялся мой диплом о среднем специальном образовании. В итоге – недостача по начислению игровых баллов, т.е. – денег. А ведь всё начиналось с сущего пустяка: одолжил рубль у нехорошего человека. Хотя...

я рубль перед этим «испытанием» получил нечестным путём и сам, возможно, лишив другого ребёнка игрушки – того самого пупса, из-под которого стащил отложенные кем-то на покупку деньги.

.....

На такой простой мысли я и хотел окончить рассказ. Но точка, почему-то, не ставилась. На днях, проходя мимо церкви Иоанна Предтечи, в которой крестился лет пятнадцать тому, я услышал «голос»:

– Верни рубль.

Оглядываюсь. Никого. Зашёл, перекрестился, затолкал в ящичек для пожертвований требуемую бумажку, правда с псевдонимом «гривна». И... буквально через полчаса – звонок: из конторы мне ни с того ни с сего предлагают долгожданный рейс в океан. Африка. Гвинейский залив. Сказка. Это тебе не на краболове кувыряться в ревущих сороковых. Да ещё и на инженерную должность. Сегодня, сидя на чемоданах, анализирую ситуацию

«откуда растут ноги удачи?»

Аналогичная история со мной случилась в храме Христа Спасителя в Москве в 2004 году. Я нечасто хожу в церковь. Лишь когда «прижмёт». Вспоминаются детали. Дело было на день Валентина, 14 февраля. Запутался я тогда в трёх женщинах, как в трёх соснах. Порастратился. Шла вечерняя служба. Народу много. Меня оттеснили к ящику для жерт-

вований. Вдруг слышу:

– Да отдай ты эту бумажку!

Я слегка остолбенел: со мной разговаривал ящик с деньгами. Он по-дружески предлагал вложить ему в пасть единственную полсотенную, которую я только что одолжил у друга-писателя Виктора Зуева на дорогу в Питер.

Электричкой туда стоило 49 рублей.

Не буду вдаваться в детали, но неудачи в те дни буквально преследовали меня. И, отчаявшись, я отдал ящику всё, что имел. Оставалось лишь побираться.

Под утро, собирая чемодан в дорогу, а заодно и мысленно намыливая верёвку, внезапно обнаруживаю среди старых сочинских накладных хрустящую «пятихатку» (500р.). Она бы здесь ещё пару лет провалялась, не окажись я в ситуации. Мне тогда такой фокус очень даже понравился.

Но сейчас... При чём здесь рубль?

И – как озарило: вдруг вспомнился этот пока ещё неоконченный и затерянный среди файлов доски ноутбука рассказ-откровение о хулиганском детстве. Ведь он, как и многие подобные истории о несостоявшихся надеждах, начинался с украденного будущим неудачником рубля у другого человека. А чтобы исповедь дошла до адресата, её необходимо было подтвердить материально. Наконец-то у меня появилась надежда, что мой долг попадёт по назначению. (P.S: Совпадения случайны.) 2014г.

У ДВУХ МОРЕЙ

(текст песенки)

У двух морей расположился город.
Расположился в сердце у меня.
Свет маяка укажет путь, которым
Смогу вернуться и друзей обнять.

А здесь Луна – античную монетой, Под ней – библейски ласковый пролив.

Мой Вечный город! Керченское лето – Вечным зовом из любой дали.

Наполнит паруса болтун норд-ост.

Чтоб маякам-заикам ошалеть.

За горизонтом затерялась молодость. Городу почти три тыщи лет.

Не важно где родился и когда: Сама земля тебе подарит свет. Над городом горит его звезда. Она юна – нет и трёх тысяч лет.

Там, в небесах – античную монетой Оплачен рай у ласковой волны. У нас в гостях античнейшее лето! – Так отчего же

Вы слегка грустны?

У двух морей две женщины и город.

Но лишь пролив со мной наедине. Меж двух огней мир пополам расколот Мечтой о той, которой рядом нет.

Так узаконьте мультигамный брак.

Пусть девушку в моря возьмёт моряк. А девушка пойдёт за двух друзей, И я не разводясь женюсь на ней.

Чтобы любовь ждала и обнимала, И к деткам перешёл её завет.

Мой город помнит браки без обмана. Библейски полигамен человек.

Керчь – супер-воин: Митридат в плечах!

Меч обелиска поднят высоко. Но каждому, в ком память и мечта – Звезду подарит и блеснёт строкой.

Скользит Луна в копилку нумизмата.

Харон-паромщик подаёт паром.

Он к Богу вас доставит контрабандой. Попробую, но как-нибудь потом.

Ведь утром солнце золотом рассвета Одарит город, степь и пляжный клин.

Ах, солнце – спонсор керченского лета! – Вечным светом
из любой дали.

Когда же осень гневом норд-оста

Мне пыл умерит: «Где он, твой сезон?» —

Увижу паруса на горизонте, Где голоса мне вторят в уни-
сон:

– У двух морей...

Повесть «Африканский рейс» 18+

(записки рефмеханика)

Часть-1

1. Трудоустройство

В конторе «Дидько & Со*» пахнет вчерашним перегаром.

Моряки тусуются на лестничном пяточке у входа, обмениваясь свежей информацией.

Хорошая компания. Ей доверяют бывалые рыбаки, располагающие широким выбором среди многочисленных крейтинговых фирм-посредников. Два видавших виды капитана, прошедшие от африканского огня до валютных фанфар по бурлящей воде всех океанов, придумали себе непыльную работу на берегу. Понятно, что без подарка меня здесь просто не заметят.

– Девушка, это презентик. От чистого сердца. (Я отчаянно бросаюсь на амбразуру, из которой полыхают два васильковых лазера блондинкисекретарши). Между тыльной стороной монитора и мной – на самом краю стола – обёрнутые в целлофан фиалки и шоколадка.

– О, какая вазочка, прелесть! И не жалко?

– У меня их много. Помощники делают, а я развожу.

По худсалонам.

А эта – как раз под ваши фиалки.

– Мне их только подарили. Как кстати! А зачем тогда в моря, если есть свой бизнес?

– Дефолт!

– Понимаю... А у вас документы все готовы? – её длинные пальчики с фиолетовыми в блёстках ноготками профессионально развернули стопку поданных мной пластиков. – А где медкомиссия?

– Остались мелочи.

– Так в чём же дело?

– Да вот, решил пройти не за деньги, а по-настоящему, чтобы узнать, как дела со здоровьем.

– Вы рискуете – понимающе улыбнулась красотка.

55 лет в наше время ещё не возраст. Поликлиника водников кишит посетителями. У двери лаборатории протягиваю свой талончик пендитной* (*заносчиво-привередливой) дамочке продолговатой конструкции.

– Вам придётся пересдать анализы и подождать еще.

– А в чём дело?

– Ваши результаты где-то затерялись.

Судорожно сую долговязой флегме 5 \$ в местной валюте.

– Вы хотите уйти в рейс? – Она берёт меня уважительно под локоток – Тогда я вам помогу и все остальные анализы получить. По четыре доллара.

Результат гарантирован. – И уже шепотом: – Иначе намного дольше.

Я не решаюсь испытывать судьбу, тем более что половина сведений о подлинном здоровье уже ждёт моих дальнейших действий в регистратуре.

Вижу, как в служебную дверь регистрационного кабинета, постучав условным кодом, входят хорошо одетые люди. Меня там ещё не знают как своего и поэтому я не рискую без посредников. Да и пройти хотя бы остаток медкомиссии без взяток – значит убедиться, что ты понастоящему здоров. Даром, что ли, гири ворочал два последних года и голодал-постился по крутой системе Поля Брэгга?

Но не всё так просто. В каждом кабинете происходят какие-нибудь загвоздки. И вот на меня, как контролёр на трамвайного зайца, через очки смотрит главный терапевт поликлиники.

– Как это вам удалось так быстро?!.. Кардиограмму делали?

– Да, конечно.

– А на «велосипеде» были?

– Нет. А что это?

– Тренажер. Придёте через неделю.

– Почему через неделю?

– Сколько вам, уважаемый? скоро 56? На пенсии пора быть, а вы в море собрались. Будем сердце проверять.

– Пенсия! Спасибо за подсказку. Вредная профессия... Как я забыл?

Наконец меня приглашают на ВКК (врачебно-квалифика-

ционную комиссию). Каким-то собачьим чутьём чувствую, что кто-то попросту ждёт, когда у меня сдадут нервы и я дам в лапу, лишь бы уйти в море.

Увы: моя керамическая мастерская обанкротилась на днях. И я не доучился в техническом вузе лет тридцать с лишним тому... К тому же, у меня двадцатилетний пробел в морской практике. Но голод не тётка.

Придётся поморячить.

Ведь на оформление пенсии уйдёт ещё немало времени, денег и нервов – это я сразу понял, ткнувшись в пенсионный фонд.

Там какая-то Юлия Покидько (вот уж Бог пометил...) – ликвидатор мясокомбината, где я несколько лет глотал холодильный газ аммиак за 78 рублей в месяц, – перебралась в Симферополь и выдаёт справки, лишь когда очередной кандидат в пенсионеры пришкандыбает на полусогнутых позолотить ей ручку. Да и не одна она такая...

Поэтому, раздав малоимущему медперсоналу деньги, взятые в долг у пенсионера-тестя, я с цветасто разодетым мотористом Юрием сажусь в плацкарт поезда «Керчь-Киев». А там на самолёт и – в Африку, где ждёт меня мой белый теплоход с длинными зелёными рублями.

Нас провожают две интеллигентного вида дамы.

Обеспокоенный отсутствием старшего группы, я напоминаю соседу:

– Юрий, до отхода 5 минут, а Виктора всё нет. Надо бы

звякнуть, узнать: почему опаздывает?

– Зови меня просто Юрчик, разливая «на посошок», отозвался моторист – И звони лучше ты, а то у меня на счету меньше гривни.

Я набираю номер и, глядя на накрытый по-домашнему откидной столик, объясняю 3-му механику в телефон ситуацию. – Кстати, где ты?

– В маршрутке. Еду домой. Отъезд отложили. Мы полетим другим рейсом. А вы не знали?

– Виктор, ты же старший группы, твою кочерыжку! Почему молчал до сих пор? На какой срок отложили? – Я замечаю, как все участники застолья замерли в заставших их позах.

– Завтра в конторе скажут. Я думал, они и вас предупредили.

Не попрощавшись, нажимаю «Отбой».

– Юра, девочки, выходим. Нас, кажется, подставили. Собираем всё и выпрыгиваем!

Наши дамы засуетились над закуской.

– А как же билеты? – мой напарник ещё не осмыслил ситуацию – Пропадут ведь билеты?!

– Не до билетов!

...Поезд уже напряг колёса, когда я, выпихнув багаж, последним спрыгнул с подножки.

...

– Вот суки! – Юрчик, словно кувалдой, стукнул кулаком

О пластиковый подоконник в глубоком проёме окошка справочной. Молоденькая симпатяшка вместо ответа вопросительно подпрыгнула.

– Девушка тут ни при чем – Я поморщился. – Ещё ментов нам не хватало.

– А Вы не учите, как мне себя вести! – злобно завывал на меня моторист.

Перед тем как возвращать в кассу неиспользованные билеты, Юра на последние копейки решил дозвониться посредникам. Но там не брали трубку.

– Они тебе не ответят: рыло-то в пушку.

– Я их всё равно достану. Маша, дай-ка я с твоего.

Женщина торопливо порылась в сумочке и подала ему простенький мобильник.

На этот раз руководитель крюингового агентства Георгий Антонович попал, как говорится, под раздачу. Над вокзалом гремела отборная морская брань обманутого работяги:..... – Что, б...и, получили с меня бабки и пошли бухать? – Наконец-то прозвучала первая осмысленная фраза после потока ненормативной лексики. Но вдруг он замолчал. Затем его лицо вытянулось и сам он встал по стойке «смирно».

Мне нетрудно представить, чем ему парировал выдавший виды капитан.

И вот, Юрин испарившийся гнев перешёл в самоедство.

– Я же... я работу потерял только что. – Натянул он крас-

ную матерчатую бейсболку двумя руками на морщинистый лоб. – Чем долги теперь отдавать?

– Ничего, всё уладим. До завтра в конторе, Юра. Не бузи.

Моя супруга уже молча вела меня к выходу из вокзала, помогая катить чемодан. Мельком замечаю: спутница скандалиста неумело делает вид, будто внимательно читает расписание, украдкой смахивая слёзы.

– Война

Эту войну объявил моторист Юрчик Андрею (3-му механику). И длиться она будет, не затухая, ровно 45 суток, пока моториста не спишут за профнепригодность. Я бы и не вспомнил о том проколе Виктора перед неудачным отъездом. Мы ведь тоже не по-товарищески себя вели. Созвониться надо было, еще когда брали билеты. Но Юрий при свидетелях прессовал пропившегося перед рейсом моряка за его забывчивость, совсем не думая о последствиях.

А последствия наступят очень скоро; через пару дней, когда мы понастоящему будем отъезжать из К*, оба моих попутчика согласуют места в поезде с точностью до наоборот и возьмут билеты в разные вагоны. Мне теперь предстоит выбрать: с кем ехать? Поэтому, заметив в кассовом зале ведущую местного телевидения Елену Р*, я спрашиваю у кассира место поближе к этой очаровательной молодой женщине.

– Попутчица

Её вагон купейный. Как раз между двумя плацкартными,

в которых едут мои враждующие приятели.

Елена, как старший редактор городской телестудии, однажды делала передачу о моём творчестве, и мы были с ней хорошо знакомы.

Но, или мне показалось? – она немного смутилась, увидев меня в попутчиках. Её провожал молодой военный с усиками, а усы – это признак ревнивца.

Итак, нас в купе двое и мне никто не мешает в течение ближайших шестнадцати часов ездить по аккуратным ушкам стройной брюнетки своими поэтическими комплиментами. В Джанкое я с Виктором заправляюсь алкоголем. Для Елены припасая бутылочку красного «Тайные желания».

Но, как показала ситуация, таковые у сотрудницы масс-медиа явно не в почёте. Все желания этой честной и добропорядочно-яркой дамы открыты и понятны: отоспаться бы после бурной ночи, проведённой в объятиях любимого мужчины. Ведь впереди – сумасшедший день командировочной беготни в столичном граде Киеве. Поэтому следующие четыре часа мы монотонно дрыхнем, иногда отвечая сквозь сон на звонки наших половинок.

И всё же я не унимаюсь в своём тайном желании произвести на даму хоть какое-то впечатление.

Дежурный рассказ о моём неудачном походе в Саентологию мог бы помочь это сделать. Он как психотропный заряд ещё не выветрился из памяти и порой выручал меня в отношениях с дамами и друзьями.

– Пантелей, вы не стесняйтесь – пейте сами, а я вам составлю компанию как собеседница.

Прошлым летом в кабинете ТВ-студии журналистка Елена Р* со мной общалась на ты. Ох уж, эти женщины...

Самое время вспомнить ту мистическую историю семи-летней давности. И я рискую. В степи начинает светать. За окном – начало лета. По мере рассказа, она гибко разворачивается в мою сторону, подперев полусжатыми в кулачок длинными пальцами левой руки мудро улыбающийся бледный овал лица тридцатилетней метиски. Огромные карие глаза выражают неподдельный интерес. И я, боясь потерять это азиатское состояние заклинателя змей, в такт колёсам, вытягиваю – нота за нотой – нехитрую мелодию своего повествования.

4. Рассказ

– Лена, а вы верите, что всё в жизни давно за нас решено? В судьбу? – Нет, скорее не верю. Судьбу можно менять. Было бы желание.

– Хм, возможно. Но только у меня сейчас такое чувство, будто еду получать должок.

– Это как это? – она игриво выразила заинтересованность.

– Я однажды отказался от приличной суммы. Ситуация так сложилась.

Десять лет прошло.

В девяносто восьмом ехал к родне в Питер. Заодно и денежки в эрмитажной лавке за сувениры получить надо бы-

ло. Инфлированные. Ноябрь-месяц. Обвал рубля. Захожу в сберкасса в Москве на Болотной. Народу почти никого. Доллары уже втрое подскочили. У меня же на книжке пятьсот деревянных завалилось. Беру в окошке жетончик, подхожу к кассе. Жду. Смотрю, что-то кассиры засуетились. Стою у кассы один. Спрашиваю:

«Почему так долго, девушки?»

Мне из-за стекла – Сейчас вам сразу всю сумму соберут и вынесут.

Я удивился, но молчу. Пятьсот рублей собирать... по пятачку, что ли? Потом смотрю; из подсобки на подносе выносят вдвоём гору полусотенных в пачках. И – в счётную машинку первую: 200 бумажек: бдынь. Ляп-ляп-ляп! – машинка пересчитала. Опять обклеили крестиком – подают. Пачка пухлая; еле просунулась в окошечко. А у меня в мозгу тоже счётная машинка включилась: вся жизнь перед глазами. Стою, про себя думаю: влезут-не влезут? Тысяч 20, если пересчитать в зелёных. Вроде влезут. Со мной рюкзак и в нём пустая сумка. Керамику только что сдал под реализацию на Старом Арбате. Прикидываю: так, на подносе килограмм 6: по 3 в каждую ёмкость. А что дальше? Ну, выйду, схвачу частника и – до ближайшего метро. А там – на скорый и в Питер. И пусть похнычет какой-нибудь мафиози из-за не по адресу улетевших денежек. А вдруг он эту милую девушку прибьёт за её оплошность? В общем – каша в голове. Сомнение. Но я уже был готов эти деньги взять и смыть-

ся. Ведь столько лет на грани нищеты – и никакой надежды.

Потом присмотрелся: ёлы-палы!: мой паспорт рядом с жетоном возле кассира. Чёрт меня дёрнул подсуетиться. Не просили же. Жетона было достаточно.

Значит, теперь надо будет скрываться; жену, дом бросить. Эх, не влезут, думаю.

И говорю: – Девушка, мне такую сумму за всю жизнь не заработать.

Вы что-то напутали. Моих пятьсот рублей.

Она: – Ой, это же выручка магазина электроники за неделю!

Короче, тот человек как раз выбежал на улицу: инкассатора своего встречать. А тут я с таким же жетончиком. Вот они номера и перепутали. В расстроенных чувствах приезжаю в Питер. У меня в городе Сосновый Бор – это полтора часа езды от Балтийского вокзала – сестра, мама, племянники. Брожу, потерянный, думаю: вот не везёт!, надо хоть что-то по старым ценам успеть прикупить. Забрёл в районе Лиговки к дианетикам. Купил у них книжку. И зачитался. Всё так логично. Типа психоаналитики.

Вечером к сестре приезжаю и узнаю, что её свекровь тётя Аня умерла.

– Пантелей, нам тебя Бог послал. Оставайся, поможешь.

Я в свободное время стал тогда в дианетический центр на Разъезжей захаживать. По старым ценам купил мелким оптом три интенсива. Это такие индивидуальные процеду-

ры по психотренингу. И в то же время они стандартны. Каждая продолжительностью двенадцать часов. Сотрудники друг друга контролируют, чтобы не причинить вреда клиенту. С помощью несложных приёмов они снимают заряды в моментах законсервированной боли. Суть такая: если во время эмоционального или болевого шока рядом с тобой кто-то что-то произнёс, то эти слова потом работают как гипноз. И от этого всякие болячки бывают. Так они вот что делают: заставляют тебя мысленно вернуться в эти точки дискомфорта и стирают их.

Проговариваешь, проговариваешь те слова, и заряд уходит. Как вирусная программа из компьютера.

Для меня момент в сберкассе Москвы оказался эмоционально-шоковой точкой. Осталось впечатление, будто кассиры тогда подшутили. И выигрыш, который выпал на номер моей сберкнижки, просто прикарманили. Меня же – проверяли той сценой: лох я или нет? Иначе, зачем на остаток они мне выписали счёт уже с другим номером? А ведь вклад назывался выигрышный.

Возможно, что эту версию я накрутил себе сам. Но жаба давила сильно.

В конце одитинга ещё и осознания приходят. Например, когда мне сняли заряд, я повеселел и решил, что уж если суждено эти деньги получить – они всё равно меня найдут. Но только другим, более честным путём. И вот, представляете, мне сейчас назначили по контракту такую гарантий-

ку (минимальную ставку), что одним рейсом можно заработать всю эту сумму. Тьфу-тьфу-тьфу. – Я три раза стучу себя по голове. – По дереву, чтоб не сглазить.

– Хорошо заработать – это хорошо. – Елена улыбнулась. Я налил себе в пластиковый стаканчик, а заодно и ей:

– Пусть просто постоит, если не надумаете. Мне хоть чокнуться будет с кем.

Лукаво улыбаясь, женщина приподнимает в ответ своё вино. Мы выпили.

– Лёд тронулся, про себя отмечаю я и, задвинув занавеску, как ни в чём ни бывало, продолжаю свой рассказ.

– В общем, через год в центре дианетики мне предложили программу «Очищение». Причём по таким скидкам, что отказаться было глупо. Надо лишь книжечки распространить. А куда деваться? Моя врач-иглотерапевт к тому времени на мне уже крест поставила: – «Вам, Пантелей, надо вставлять платиновые диски». Ни сесть, ни встать нормально не мог. Межпозвонковая грыжа со всеми вытекающими. А денег только до ближайшего худсалона за грошовым гонораром доехать. Какие там платиновые?

Продал я кучу книжек у заводской проходной по дешёвке и поехал в

Питер. А там SPA-процедуры: съел таблетку ниацина, полчаса трусцой побегал – и на четыре часа в сауну. Перед этим тебе – витаминов жменю. И только воду пьёшь и сидишь потеешь. Ну и с богатеньким народом общаешься.

Программа «Очищение» – это уже область Саентологии. В Америке её называют религией для богатых. Правда, у нас тоже не для бедных, хотя и на порядок дешевле.

Короче, на восемнадцатый день, когда все, с кем я начал, стали получать конечный результат – это такое эйфорическое ощущение, что ты очистился – у меня проявились побочные эффекты.

Я, видимо, надурил их в одном из ежедневных отчётов, и мне увеличили дозу ниацина не вовремя. Этот витамин помогает обновлять клетки, заодно стирая в психике негативные последствия из прошлого.

Может, слышали: если человек очищается, то всплывают и уходят старые болячки. Перед этим, помню, на левой ладони «проснулась» странная бородавка. В студенчестве я даже стыдился здороваться за руку: кисти обеих рук были осыпаны этими пупырчатыми отметинами. У основания безымянного пальца на ладони левой руки сидела главная. Когда я её (содой мне посоветовали) вывел – и все остальные исчезли. А тут, спустя тридцать лет, в парилке, она снова стала всплывать. Пока добираюсь к ночлегу на электричке – исчезает. Как живая – прячется. И так три дня подряд. На четвёртый совсем пропала. Исчезновение рестимуляции – повод ускорить процесс добавкой ниацина.

После этого, я стал замечать крохотную ссадинку сзади на пятке левой ступни. И вспомнил: в детском садике, в пионерлагере, в армии – мне всю жизнь кто-нибудь наступал

на пятки.

Всё бы ничего, но я попросил штатного сотрудника снова увеличить мне дозу ниацина, хотя «стирания» ещё не произошло. Я умолчал об этом. И вдруг ссадинка стала разрастаться. С каждым днём. Вскоре, вся ступня, по щиколотку, приобрела вид тёмно-фиолетового с лиловым отливом резинового носка. Потом и правая туда же...

На 24 день, когда даже наркоманы начали получать результат (у нас там было несколько ребят-студентов), я ощутил конечный эффект: эйфория, лёгкость. В районе метро Горького иду и туловища не чувствую. В то же время, на ногах как две гири привязаны. Иду в шлёпанцах. Ни в какую другую обувь мои ступни уже не влазят.

Это у них называется – попасть в оверан, т.е. на следующий круг очистки.

Сижу потею дальше. Ещё неделю. Слава богу, платить в таких случаях не надо. Из тех, с кем начинали вместе, со мной остался только один парень лет тридцати. Он на военном химзаводе когда-то получил отравление. Говорит, что еле выжил. Полгода по госпиталям провалялся. Умереть не позволили, но и отраву вывести до конца не смогли. В костях осталась.

Из него потом стёкла через кожу пошли. Стекланные крупинки такие.

Сидит, чухается, и вытаскивает прямо из пор: «О, ещё одна!». Как блох.

Грамм 15 в целлофан наскридовал.

Мне же, чувствую, что-то с этикой надо решать. Я всё-таки христианин. А тут как бы другая религия.

Бегать уже не получается перед тем, как в парилку идти. Ноги – чужие. Кожа вот-вот лопнет. Слоновость ниже колен. Четыре часа отпарился на верхней полке, стаканов сорок воды выдул, захожу под горячий душ, а меня знобит. Чувствую, что не могу принять от них помощь. И сам себе говорю: «Или вы там сейчас помиритесь (Христа и Хаббарда* имея в виду), или я здесь подохну!» (*основатель церкви Саентологии).

Вдруг в голове картинка: я лечу в космосе, время от времени пролетаю через какие-то светящиеся арки. Впереди возникает астероид. Как бриллиант гигантский. И я влетаю в него со всей дури. А там помещение оранжерея. И куча святых. Перед тем как влететь, мельком замечаю обеспокоенного моим появлением призрака. Это Рон Хаббард – основатель. Полетел по своим делам, а от меня отмахнулся; иди, мол, разбирайся сам. Но мешать не стал.

Я завис. Вижу за столиком слегка пьяненького Христа. Ему, вроде, немножко стыдно. Он говорит: «А мы играем». Не суетись, мол, приятель.

Тогда я им: «Вы тут играете, а у меня там по-настоящему умирают. Я к тёткам даже на похороны не приезжал».

И начинаю просить у всех прощения: у девушек, которых обманывал, у всех-всех, с кем когда-то неэтично обошёлся.

Потом возвращаюсь и говорю: «Меня такой ответ не устраивает. Я пошёл к Главному».

И опять – полёт; звёзды, арки... Вдруг, влетаю в кинотеатр «Ударник». Его давно снесли, но у меня там когда-то кузен работал художником и я сбегал с уроков, чтобы бесплатно с балкона посмотреть кино.

Зависаю над балконом и смотрю. Кино называется «Бог». В 3Dформате. Экран серый. Крупным планом шар в разрезе. Правая половинка прозрачная и вольтова дуга по окоёму бежит, а другая – чёрная.

Догадываюсь, что где чёрное – там Он спит. А где прозрачное и плазма по окоёму – бодрствует. Наша Земля находится в пограничной (серой) зоне. Я – туда. Под плазмой крупным планом возникает океан, по которому как гусеница танка клацает и движется лента из черепаших панцирей. Легион? Потом смотрю опять издалека, с балкона: эта вольтовая дуга начинает укорачиваться и становится всё ярче и белее. Затем вообще в такой белый сгусток величиной с кулак превращается. Тогда я спрашиваю: а что же дальше?

Дальше – опять расширяться начну. Только вот, когда я уменьшаюсь – всякие тёмные сущности на светлую сторону заползают. Помог бы, что ли?

(Бороться с ними).

И тогда я понял, что Бог – это труженик, который взял на себя очень большую ответственность. Он делает всё, от Него зависящее, чтобы и мне и моим как бы умершим тёт-

кам и всему-всему, что Он создал, хотелось бы играть в Его игру. И мы всегда будем на светлой стороне, каким бы маленьким и ярким Он в это время ни был, исполняя необходимый цикл. На меня как накатило... Прямо благодать какая-то.

В общем, бред с дичью пополам, но мне в результате стало намного легче, и я от радости рванул опять через все эти ворота в открытый космос.

Но вдруг звёзды закончились. Я долетел до края материальной вселенной. Впереди бездна, а за ней ещё одни ворота в какой-то иной мир и надо очень сильно прыгнуть. Эти ворота в большом отрыве, уже в следующей вселенной. Мне на миг показалось, что я могу погибнуть, если не допрыгну, но и остановиться уже не могу. Тогда я как бы экстериоризируюсь, т.е. персонифицирую часть личностного континуума, отделив себя думающего от себя летящего. Понятно, да? Такая голая мыслеформа. И вижу уже со стороны, как тот, кем я был перед прыжком – этакий бело-фиолетовый шлейф – вдруг сиганул от последних ворот одной вселенной к первым воротам следующей. И допрыгнул-таки!

А за этими воротами звёзд нет. Зато колышутся куски северного сияния, и звучит тихая музыка. Ощущение такое, словно попал в очень элитную тусовку. Мне стало так стыдно, будто я в спецовке и грязных сапожищах ворвался во время концерта в зал консерватории. Плавненько планирую оттуда – обратно, в тело – прямо под душ.

Стою под горячим душем. И меня уже не знобит. Смотрю на правую ступню и глазам не верю: только светлая кожа складками висит на месте вздутой гангренозной опухоли. – Так – думаю: осталась левая. Лена, вас не утомила моя болтовня?

– Да нет, что вы, даже интересно.

– Тогда выпьем?

– За что?

– За здоровье моей правой ноги.

– Хорошо. За вашу ногу.

Мы чокаемся.

– Меня так в детстве мама уговаривала манную кашу есть – пытаюсь смягчить натянутый диалог – я тут же снова наливаю – ложечку за папу, ложечку за маму. – Обжорой не стал, но спаивать народ научился.

– Тогда я предлагаю выпить за ваше знакомство с «Маэстро Бо» – она подняла стаканчик навстречу.

Хо! Этот ник мне знаком. Вам тоже, стало быть, нравятся стихи Валерия Гаевского?

– Не все, но «Маэстро Бо» запомнилось.

– Я ему скажу, что встречал знатока его поэзии. Он мой старый приятель.

– А с Сергеем Новиковым вы не были знакомы?

– Был. На семинарах встречались. Даже в одном номере гостиницы жили. Но он так долго посуду никогда не грел. И... Лена, давайте снова на «ты».

– Ну, что ж, давай, Пантелей.

– Тогда на брудершафт?

– Ого! Потом целоваться?

– Ч-чисто символически.

Я взял её руку в свою. Она не убрала.

– Хочу услышать продолжение. Расскажи, что было дальше? как другую ногу вылечил?

– Хорошо. Но сперва на брудершафт и в щёчку. А то там такое... Я постесняюсь.

– Ну, хорошо. В щёчку.

Уже во всю светало. Поезд набирал скорость после какой-то небольшой станции. Время утренней эрекции у здоровых мужчин. Её губы как-то случайно и горячо слились с моими.

Я немного ей помог растянуть сиреневую блузу...

...Тело журналистки ничем не напоминало о её профессии. Оно трепетно и упруго, в такт колёсам, отзывалось на мои движения. И было в те минуты самым близким и единственным в мире существом, которому можно доверить не только все секреты, но и саму жизнь. Мы сдерживались до последнего, боясь разбудить соседей через переборку. Это было сильнее, чем расслабляющие постанывания. Оргазм ушёл внутрь и, не выдержав наплыва обладания, разлился в партнёре, соединив нас раз и навсегда тайной и великой силой. Мы застыли и как бы склеились после короткой и одновременной судороги.

– Ну, так что же было дальше? Я вся в ожидании продолжения той истории... с Богом. – Она промурлыкала эти слова в пустоту за моим правым плечом.

– Крошка, ты... хороший слушатель. Только... дай хоть отдышаться.

– Тогда наливай.

Мы оделись, каждый сбегал в туалет и, как ни в чём ни бывало, продолжили трапезу, только теперь её ладонь всё время искала общения с моей рукой.

– Армрестлинг любви... – почему-то подумал я.

Ой, влетит мне, если мой джигит что-то заподозрит. Он просто маньяк по части ревности. —

Леночка, прижав мою руку к своей щеке, то ли грела, то ли грелась сама.

Я ещё не верил в произошедшее: ведь в эту обаяшку – ведущую популярной городской программы был влюблён весь сексуальный актив города, включая и мужчин и женщин.

– Ладно – я пригубил её прохладную пергаментную ладошку:

попробую тебя отвлечь от дурных мыслей. – Слушай дальше.

Так вот: после того случая я купил обратный билет. За неделю вперёд. Разгар лета. Все на юг ломаются. Пришлось переплатить.

Хожу дальше. Надо же поскорее. Поэтому пью по пятьдесят стаканов воды и сижу на верхней полке в самой горя-

чей точке. Помню, в тот последний день со мной одна девочка-казашка осталась в помещении парилки.

– И там у тебя девочки?

– У них в Казахстане (я пропустил сентенцию мимо ушей) саентология на уровне, почти как у нас православие. А тут чувствую, что вот-вот смогу сбросить и вторую опухоль. Жду, когда девица уйдёт. Уже не до женщин. Но она не понимает и хлопочет вокруг меня. Видит, что мне плохо.

Помню: как врезал кулаком по стене – доска треснула. Она перепугалась и ушла, а я сразу спустился и голову – поближе к электротэнам. В загородку просунул, нарушая все запреты. Сижу зову Бога. Ну, про себя, конечно. Спрашиваю: «Слушай, а для чего всё это кино? В чём смысл игры?» Мозги вот-вот закипят. И, вдруг, слышу:

– Ты проболтаешься.

– Да. Я хочу, чтобы люди знали правду.

Сам чувствую, что на карту поставлена вся моя жизнь. Даже не знаю почему – просто такое ощущение, что мы друг друга на «вшивость» проверяем.

И тут – хлоп – над головой возникает круг из плазмы. – Так – думаю – ответ пошёл. Круг превращается в поверхность озера на уровне глаз, а оттуда – пенис, как у собак бывает, только гигантский. Чувствую, что я Его допёк. По-моему, у Ницше есть фраза: «Если долго заглядывать в бездну, то бездна может заглянуть в тебя» – так, кажется?

Этот пенис выгибается в мою сторону, берёт меня как бы

ртом за голову, то есть моё ментальное тело (а я опять со стороны наблюдаю) и встряхивает. Потом, как тряпку, давай полоскать мою пустую оболочку в озере. Прополоскал. Остановился. Сейчас проглотит. Уже не контролирую ситуацию. Гаплык, по-украински говоря... Пропала шкурка.

А он, будто из шприца, медленно так, начинает вкачивать в меня красноту из которой сам состоит. До тех пор, пока у меня руки-ноги не задёргались. Накачал и выплюнул.

Я так обрадовался, что жив остался. И – тёку оттуда. Со всего этого очищения на хрен. Мне говорят: «Идите на этику: процедура ещё не завершена». А у меня: чемоданы в камере хранения и поезд через два часа.

Говорю: нет, ребята, я поехал (думаю: пока крыша не поехала).

Самое главное, как и ожидал – опухоль за те несколько минут с левой ступни исчезла. Приехал в Керчь – ещё кожа как носок болтается. Но всё быстро затянулось. Только ссадины на пятках еще долго просматривались.

Вот такие дела. Зато позвонки как новые. Врач в шоке.

Я поднял дерматиновую штору и раздвинул занавески. За окном бушевал степной рассвет.

– Главное, что здоровье поправил. – Лена ладонями разгладила мне воротник рубашки и застегнула пару верхних пуговиц. Ты не по годам крепок... Надо же. Везёт мне на мужчин!

– Вы мне льстите, мадам?

– Нет, милый. Я просто пытаюсь перед собой оправдаться.

Небольшое плазменно-белое солнце мягко вынырнуло из утренней дымки и влажно дышало энергией нового дня. Как ныряльщик, нашедший в пучинах сочную жемчужину, трудяга-Бог исполнял свой рутинный цикл, творя очередной шедевр. Ковры цветущего рапса радостно сверкали Ему в ответ ещё не испарившимися капельками росы.

Но узлы нескольких железнодорожных путей уже напоминали о приближающейся развязке. Видимо, надо было послушать специалистов, да и остаться на этику тогда в Питере. Ведь сегодня я опять подвёл Бога, пока он спал...

Снаружи постучали: «Следующая станция Киев!»

Тем не менее, чувство безумной свежести переполняло чашу случившегося праздника. Игра продолжается, маэстро Бо! Так я видел ситуацию с мужской позиции.

Елена же, грустно и как-то по-джокондовски улыбаясь, впечатывала мне в мобилу номер своего телефона.

5.Перелёт

Желто-голубой ИЛ торжественно набирает высоту в бирюзово-закатном небе над Киевом.

Я не вижу ни одного пустого кресла. наших моряков уже шестеро. В Борисполе керченскую группу встретил старший механик из Севастополя Владимир Аксёнович Бобров – уже давно не пьющего вида поджарый старик. С ним полноватый, но не крупно сложенный молодой человек. Он электро-

механик. Зовут Борис. И ещё – самостоятельно прибывший из Феодосии 2-й механик Николай – крупный белокурый, как потом выяснилось – ариец.

В Амстердаме пересадка. И ещё 9 часов полёта на огромном полупустом Дугласе до Аккры.

Группа керчан кроме рефмеханика (т.е. – меня), состоит из вышеупомянутых 3-го механика Виктора Стосова и моториста Юрчика. Последнему – уже 50. Это запредельно критический возраст для рядового состава. Виктору – ещё 38. Он сидит далеко сбоку через проход, беседуя не то с иллюминатором, не то со стармехом, изучающим облака. Рядом со мной в центральном ряду слева место занял розовощёкий Борис. А справа – симпатичная американка сексопильного возраста. Оказывается, едет в центральную Африку с группой учёных-экологов. Зовут Кристи.

– Чего желаете, господа? – с двухметровой высоты интересуется стюардесса-голландка, подкатывая тележку.

– Водка, коньяк! – моторист слева от электромеханика выразительно стучит себя по кадыку тыльной стороной ладони.

Кристи пьёт только пиво, а то, что покрепче передвигается с её подноса на мой. Но и от пива американка хмелеет. Я прикасаюсь к её руке чуть выше локтя. Чувствую что-то горячее, женское в её ответном движении.

Мои стихи ей нравятся и без перевода.

Самолёт-аэробус двухэтажный. Над передними рядами кресел расположен большущий монитор с алой лентой

траектории полёта, движущейся по географической карте. На спинках передних кресел – индивидуальные экраны поменьше с множеством компьютерных функций. Двадцать лет тому назад в салонах международных авиаперевозок всё было гораздо проще.

Между болтовнёй на плохом английском и тремя обильными ланчами время уплотняется. Пора прощаться. Предлагаю Кристи свою помощь (у неё два места ручной клади). Прохлада салона сменяется влажной жарой внешнего мира. Гудбай, Америка!

Девушка шлёт в ответ воздушный поцелуй и исчезает в дверях аэропортовского автобуса. Навсегда.

Hello, Африка! Аккра – это столица Республики Гана. Но порт и бухта, где ждёт нас на рейде наше судно – называются Тема. Это ещё несколько часов езды вдоль побережья Гвинейского залива.

А пока – небольшой двухэтажный аэровокзал, где мы отлавливаем с движущейся по кругу ленты долгожданный багаж. Хочется пить. Но не вижу ни одного киоска или автомата с водой.

Внезапно обнаруживаю, что вокруг нас одни чернокожие люди.

Они медлительны. Время событий вязнет в липком воздухе коридоров.

Кондиционеры не справляются или просто не работают. В таможенном предбаннике нас тормозит важный офицер

в униформе советского вагоновожатого. Он неторопливо помещивает чай в тонкостенном стакане, вставленном в мельхиоровый подстаканник и строит из себя бога им же созданной ситуации. Такое ощущение, будто времена предперестроечного застоя не покидали нашу планету. Они, всосав СССР, чмокая и булькая, перетекли сюда, в чёрнозелёную знойную Африку.

Поэтому мы упорно ждём уполномоченного представителя от испанской фирмы работодателей. Оказывается, он должен дать таможенникам «в лапу». В противном случае здесь можно просидеть сутки и больше. Без всяких на то оснований.

Начинаем знакомиться с россиянами, прибывшими за несколько часов до нас из Калининграда через Париж. Их 7 человек: три матроса (два молодых и один постарше), два штурмана (старпом и 2-ой помощник), а также капитан Сергей Алексеевич Кондрашенко. Чуть поодаль – цветасто одетый худощавый шефповар Валентин. В судовой роли он значится как Вальдемар.

И вот в центре зала моряков начинает созывать пожилой хлопотун кабинетной осанки. Это старпом (чиф) Владимир Савкин. Оказывается, прибыл долгожданный представитель от испанцев. Прислушиваюсь. Присматриваюсь. Испанец – явно русский (правда, с кавказским акцентом).

Мы быстренько ломимся в здоровенный автобус-мерседес. Чемоданы, сумки с багажными лэйблами летят на сво-

бодные места. Вся команда транспортного рефрижератора водоизмещением 2000 тонн состоит всего лишь из 15 человек. Отсутствующие боцман и матрос-африканец ожидают на борту вместе со старым экипажем, поскольку им пока просто не нашлось подмены.

Гостиничный комплекс в пригороде – это три слипшихся трёхэтажных коттеджа, обнесённые высоким кирпичным забором. Типовой проект. Подобную гостиницу я посещал в Геленджике. Но цены за номера здесь намного ниже.

Кондиционеры шуршат непрерывно. Горячая вода по потребности.

– Парни, дальше территории двора гостиницы не расходиться – это опасно – предупреждает капитан. Ужинать пойдём через полчаса.

В дороге (пока летели и ехали) я сблизился лишь с машинной командой. Знакомлюсь дальше.

И вот мы с 40-летним матросом Володей ставим свои чемоданы в уютном двухместном номере на третьем этаже.

– Владимир, ты здесь не в первый раз. Как тебе местное население?

Что-то капитан запугивает.

– Ну, бандюганы в любой стране по ночам шастают. А вот негритянки здесь классные. Обслужат по высшему разряду. В других местах тёлки не такие.

– Ты меня заинтриговал. Тогда пошли перекусим. Мне хочется посмотреть: что там у них, и кто там?..

Но в кафе под открытым небом ни одной молодой женщины не видно. Две 45-летних толстухи-поварихи не в счет.

– Они всё знают: когда у нашего брата деньги есть, а когда – такие как мы – только с самолёта. Комментировал бывалый матрос. – Что с нас возьмёшь?

Официанты сдвинули несколько пластиковых столиков в один ряд и нам принесли куриные окорочка с рисом и овощами. Как я потом заметил, таких круто прожаренных кур готовят в кафешках по всему побережью Африки. Стандарт. Будто на огнёмёте. Шкура хрустит или обуглилась, а мясо в самый раз.

Запить можно лишь консервированным соком. Пиво в рационе для русских моряков испанским работодателем не предусмотрено.

Но у Бориса обнаружилась наличка. Я добавляю пару баксов. Украина угощает! «Beer» в стекле, бутылки – почти литровые.

12 бутылок – 12 \$. Стаканы советские, гранёные.

Капитан справа от меня. Средний рост, средний вес. Вальяжный, но без гонора. Лет на пять меня моложе. Сбоку от стармеха, напротив, пристроился 3-й механик. Виктор на офицерской должности, как и я – в первый раз. Но за столом уже наметилась субординация. Специалисты и штурмана отдельно, рядовой состав – отдельно. На судах с небольшими командами этим, фактически, внешнее раз-

личие в должностях и ограничивается.

Слева от меня два молодых матроса пытаются заказать пиво на вынос.

Бармен, поставив на стол бутылки, достаёт из кармана фартука открывашку. Но заказчики замахали руками.

It is impossible! (это невозможно) – вмешивается капитан, пытаюсь помочь ребятам сохранить хотя бы последние две бутылки нераспечатанными.

Но огромный африканец, удивлённый недоверием к его профессионализму, делает стандартное движение и...

– Don't open this bottle-up! – не выдержал я (эту бутылку не открывать). И (про себя): а капитан-то троечник...

Часть-2

1. Утро в гостинице

Я проснулся от запева одной из самых хитовых песенок Майкла Джексона. Это напротив окон третьего этажа роскошный белый попугай приветствовал постояльцев, карабкаясь как дятел по толстому стволу кокосовой пальмы. Приостановившись, полуметровый альбинос неодобрительно покосился в нашу сторону кровавым зрачком и лихо взъерошил хохолок. Затем, саданув клювалдометром наотмашь в дерево, словно утверждая кто в доме хозяин, он с расстояния рогаточного выстрела повторил знаменитый запев. Очень кстати мы решили перед сном выключить шумную кондишку.

И тут же из противоположного, прикрытого москитной

сеткой окна, густо застучали там-тамы. В мою жизнь врывается Африка.

– Сегодня выходной. Это у них богослужение такое.

Мой сосед по номеру махнул сигаретой в сторону стадиончика, где пели и плясали ряженые в перья аборигены.

– Но ты лучше вон туда посмотри. – Гася сигарету в пепельнице, что на подоконнике моего окна, бывалый мореман указал вниз наискосок, совсем не замечая огромную птицу напротив. – Во-он там. Через дорогу. Видишь?

Какие тёлки!

И действительно, прямо под попугаем, где стакнулись ветхими крышами несколько хибар, две полуодетые мулатки с фигурами топ-моделей подметали свои и без того чистейшие микродворики.

– Вжучил бы такой, Ефимыч?

– Да... движутся как на кастинге. – ответил я, разминая шею.

– Так это у них такой хит-парад к утренней эрекции. Специально для постояльцев. Сейчас кто-нибудь обязательно клонет. – А ты?

– Ну, Пантелей, я в английском ни бе ни ме. Сходи договорись.

– Ха! Ещё как-то морально не готов на такие подвиги. Но хороши...

В дверь постучали.

– Привет, Юрчик, с чем пожаловал? Знакомься. Это мат-

рос Володя. Я отошёл от окна и, прикрыв дверь за забывчивым гостем, включил кондиционер.

Моторист, запыхавшись, прокашлял:

– Т-там это... уже автобус, т-того... На посадку. Кэп злой. Его ночью обчистили: мобилу местные с-пионерили, то-сё, пока мы ужинали.

– Не суетись, Юр. Капитан себе на свою зарплату ещё пару мобил прикупит. Лучше обрати внимание: какие там красотки под окнами!

– Ну ты, реф, даёшь! Только от титьки оторвался, а всё туда же. Так что мне передать капитану, мужики?

– Сейчас кончим и придём – улыбнулся матрос, заходя в душевую.

– Э, сосед! Мы с тобой пролетаем. – Я заметил, как с молоденькими подметальщицами заговорил вчерашний сопровождающий из аэропорта работодатель-испанец. Обнявшись по-свойски, они, балагурия, втроём проследовали в гостиницу. Значит, к автобусу можно не торопиться.

– Кофе будешь, Володя? Мне жена даже кипяtilьник упаковала.

2. Контракт

И вот она – знакомая с юных лет (мне, керчанину) обстановка рыбного порта, правда, с «небольшой» поправкой на географию и местный менталитет.

Вдоль причала разостланы сети. Люди сидят на четвереньках, бродят полусогнувшись. Колдуют над снастями, ладя

свою рутинную работу. Один нюанс: рядом с этими аборигенами иностранцу не стоит произносить слово НЕГР. Очень обидятся. Надо говорить африка-мэн. Такая вот поправка.

В ожидании рейдового катера продолжаем узнавать своих будущих партнёров по работе. Я не выдерживаю тягомотины искусственно созданного портовиками простоя, и, поскольку до отлёта сменяемого нами экипажа остаётся всего-ничего, признаюсь деду (так на слэнге именуют старшего механика), что имею двадцатилетний пробел по основной профессии. В смутные времена приходилось выживать по-разному.

– Как же ты будешь работать? – он опустил портфель на мокрый бетон пирса.

– Да мне бы хоть раз успеть запустить компрессора при рефмеханике старой команды, а там и вспомнится.

– Им на посадку в самолёт через несколько часов. Бывает, что прямо на причале: сдал-принял и разъехались. И что потом?

– Дед, если портовикам надо дать в лапу, чтобы катер выделили побыстрее, то у меня есть полсотни – я вынул из кармана аварийный запас.

– Это... а я могу и рефом работать. – вмешивается в разговор остограммленный моторист Юрчик.

Старший механик растерянно посмотрел на нас обоих:

– Начинаются сюрпризы, вашу мать.

.....

Рейдовый катер оказался небольшой джонкой с мощным

дизелем.

Вместо обёрнутого вокруг мачты паруса, на рее болтались разноцветные пластиковые канистры из-под топлива.

Два поджарых африканца ловили и складывали наши вещи, в то время как моряки, матерясь, запрыгивали на утлое судёно. Слышно было, как по днищу под пайолами с шумом перекачивалась вода. Её непрерывно удалял за борт костлявый подросток, ловко орудуя ручной помпой советского образца. Посудина была явно дырявая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.